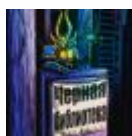

Подношение / The Offering (рассказ) (Age of Sigmar)

Перевод коллектива "[Warhammer: Чёрная Библиотека](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "[Warhammer: Чёрная Библиотека](#)". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Подношение / The Offering (рассказ)
(Age of Sigmar)*

Автор	Энди Кларк / Andy Clark
Переводчик	OniBes
Редактор	Chaplain Lemartes, Mike, Warhammer Age of Sigmar — Чертог Просвещения
Издательство	Black Library
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB, FB2, MOBI

Поддержать проект

*«Золкой Ночью морок княжит,
Веет хладом как из гроба,
И ползёт из чёрной чащи
Порожденье лютой злобы.
Ты задобри Черношапа
Подношением послаще,
А не то он в дом нагрянет
И с собой тебя утащит».*

Старейшина деревни вёл своих людей сквозь лесной сумрак. Они толкали тачки, гружённые бочками с солониной и шальд-вином; стеклянной посудой, полученной от торговцев из Наковаленного Шпиля; наконец, мешками с аргентитовыми самородками — их единственным настоящим богатством.

Расставаться со всем этим добром было нелегко, но подношение всё же должно было совершить.

Впереди петляла грязная тропа, изрытая корнями мерцовюргов, которые так и норовили зацепить колёса или ноги путников. Серебристые иглы деревьев переливались в сумерках и раздавались металлическим скрежетом под порывами ветра.

Старейшина толкнул свою тачку, одолел последний подъём и оказался перед Древом Подношений. Несмотря на холод, он сорвал с головы матерчатую шапку и отёр ею лоб. Один за другим сородичи присоединились к нему. Все они пыхтели и тяжело дышали, несмотря на то, что были моложе своего предводителя. Даже старый Мартин уступал ему в возрасте.

Старейшина взглянул на темнеющий небосвод. Близилась Золкая Ночь, когда ни одна звезда не сияла в вышине.

«Мы будем дома ещё до того, как воцарится полночь», — пообещал он себе.

Но и дома он не почувствует себя в безопасности, пока с новым восходом свет Хиша не озарит горизонт.

— Легче не становится, — заметил он.

— Никогда, — рассеянно согласился Мартин. Как и остальные, он не мог оторвать глаз от Древа Подношений, которое одиноко горбилось над землёй, ибо другие деревья словно отстранились от него. Раздутый ствол покрывала густая грибная поросль, крона вилась к небу, раскинув ветви в беззвучной мольбе, а из глубоких трещин в коре исходила вонь словно от заражённой ноги.

Нэрри последним вышел на поляну. Он был тощим пареньком, едва достигшим совершеннолетия. Пот лился с него ручьями, а на лице застыло недовольное выражение.

— Что мы здесь делаем? — Полный возмущения вопрос Нэрри нарушил гробовую тишину леса. Остальные невольно поёжились.

— Говори тише! — прошипел старый Мартин.

Нэрри нельзя было переубедить, но на сей раз, отметил про себя старейшина, парень всё же перешёл на хриплый шёпот.

— Что мы здесь делаем? — повторил он.

— Ты знаешь, — огрызнулся Мартин.

— Я знаю, что мы тратим нажитое впустую, о чём позже будем лгать, глядя в глаза металлоценщиков из Наковаленного Шпиля, — сказал Нэрри. — А ещё я знаю, что мы отдаём всё это какому-то местному бандюгану из-за сказочек и детских выдумок.

Старейшина заключил, что парень отрепетировал эту речь. Нэрри, вероятно, ждал, что сможет пристыдить их своими словами, что они изумятся, и что на них снизойдёт просветление. Но сородичи, совсем напротив, лишь сверлили его глазами. Юноша выпятил челюсть, явно готовый к спору. В голове у старейшины пронеслась смиренная мысль:

«Не успокойсья ведь, пока домой не вернёмся. Ах, эта молодёжь, вечно считает, что понимает всё на белом свете».

Старейшина поднял руку в примирительном жесте и, приблизившись, положил её на плечо паренька. Под ладонью он ощутил напряжение, словно юноша был струной, готовой лопнуть в любую минуту. Нэрри был напуган и за это злился на себя. Ему не хотелось позориться перед сородичами.

Беда заключалась в том, что, если они не будут осторожны, юношеская неуверенность Нэрри всех их обречёт на гибель.

— Послушай меня, парень, ведь от этого будут зависеть наши жизни, — начал старейшина, поймав блуждающий взгляд Нэрри. — Слушаешь?

Нэрри сердито кивнул, показывая всем видом, что соглашение его неискренне. Собирался ли он спорить дальше? Может, даже ускользнуть на обратном пути, чтобы вернуться за тачкой и поймать с поличным воображаемых бандитов?

— Зигмар знает, что я предпочёл бы рассказать эту историю где угодно, лишь бы не здесь. Но тебе стоит её послушать.

Нэрри ничего не сказал, но и руку старейшины не сбросил. Остальные подошли ещё ближе, словно бы голос предводителя был греющим пламенем костра. Большинство прекрасно знало эту историю, но старейшина заключил, что лучше поведать её ещё раз, чем слушать скрип зловещего Древа.

— Как-то раз, в одну из Золких Ночей, мы не совершили подношение, — начал старейшина. — Не хочу забегать вперёд, но тут и дураку понятно, что ничего хорошего из этого не вышло...

Повозка с грохотом неслась вдоль грунтовой дороги. Сидя внутри неё, Густав Тэтчер боролся с тошнотой. Его мучил жар, стены повозки давили со всех сторон. Сколько бы он ни высовывал голову из

окна, лучше не становилось, ведь глазам его снова и снова открывался удручающий вид на мерцовюровые дебри, уносящиеся в дождь.

«Грязь, деревья и невытые крестьяне», — подумал он с порядком утомившим его самого отвращением.

Продолжительная поездка в экипаже ничуть не помогла избавиться от похмелья, как, впрочем, и переход с одной стороны врат владения на другую несколькими часами ранее. Пару ночей он точно не просыхал, но разве мог кто-то упрекнуть его в попытке утопить своё горе в вине?

Ибо теперь он — изгнанник.

Густав нахмурился. Он всегда считал себя слишком хитрым, чтобы быть пойманным с поличным на краже из военной казны. Его ошибка.

Внешне Густав был не привлекателен и в глубине души прекрасно знал, что обаяния ему тоже не хватает. Одна его бывшая знакомая — будь она проклята! — однажды сравнила его с ублюдочным отпрыском пиявки и хищхорька. С другой стороны, третий сын Раме Тэтчера был подкован в финансовых спорах и с давних пор применял свои навыки, чтобы разорять глупцов за неуважение и набивать собственные карманы. Эта мысль подняла Густаву настроение, но следующий же толчок кареты прервал его размышления. Он высунулся наружу и прикрикнул на кучера:

— Ты что ли специально на ямы наезжаешь, кретин?!

— Виноват, мь'лорд, — донёсся до него мужской голос. — У дороги к Наковаленному Шпилю видок не лучший.

— Я-то думал, что она предназначена для войск владыки Зигмара, — усмехнулся Густав.

— Сё так, мь'лорд, но земля тута пириком усыпана. Инженеры всё тута перерыли, всё перекопали, а кристаллы взяли да и снова выросли.

Густав призадумался, не предназначались ли растроченные им военные средства на содержание дорог.

«Зигмар, неужто у тебя есть чувство иронии? Можно подумать, изгнание из Азирхейма в эту паршивую хамонскую глухомань — наказание недостаточное...»

Густав выглянул из окна и посмотрел на дорогу, уходящую вдаль. Капитан Форне ехала напрямик за каретой во главе личной гвардии Тэтчера. Хотя для десяти потрёпанных вольных гильдийцев, восседающих на стареньких с виду лошадях, которых подарил им отец Густава, «личная гвардия» звучало как-то даже слишком претенциозно.

«Ну, по крайней мере, ему удалось спасти меня от петли», — подумалось Густаву, а в следующий же миг карета подпрыгнула снова.

— Капитан Форне, — рявкнул он. Девушка пришпорила своего скакуна и лёгким галопом поскакала рядом с экипажем.

— Сир? — спросила Форне.

Она была слишком молодой для офицера и отличалась грузноватой фигурой — всё от лёгкой жизни в Азирхейме. Однако сжатая челюсть и острый взгляд всё же выдавали её характер. Назначение Ларинды Форне в качестве капитана личной гвардии Густава было единственным признаком того, что отцу совсем

небезразлично, выживет ли опозоренный сын или умрёт.

— Если эта жертва инцеста угодит ещё хотя бы в одну яму — пристрели его.

Глаза Форне вспыхнули отвращением, но в следующую же секунду к ним вернулась привычная холодность. Густаву не было до этого дела. Ему нравилось повелевать теми, кто его презирал.

— Принято, лорд Тэтчер, — ответила Форне. Её рука опустилась на кобуру и вытащила пистоль с зубчатым замком, после чего капитан прищпорила коня и поравнялась с кучером. Густав откинулся на спинку кресла и, заслышав угрозы капитана и оправдания мужчины, расплылся в улыбке.

«Скоро будем на месте», — подумал он.

В конечном счёте потребовалось целых три часа, чтобы добраться до Юдоли Крушителя – опасаясь за свою жизнь, кучер потащился ещё медленнее. К тому времени, как они въехали в ворота маленького шахтёрского городка, мысль о петле уже не казалась Густаву такой ужасной.

Он выглянул из окошка кареты на замызганную главную улицу. Дома представляли собой безвкусные плиты из металла и камня, а более благополучные сооружения могли похвастаться вкраплениями древесины.

«Хотя благополучные — это, пожалуй, громко сказано», — подумал Густав, с тоской представив великолепие Азирхейма. Выглядело всё так, будто второй этаж был сущей роскошью для домов в Юдоли Крушителя.

Они проехали мимо хибар с примитивными дымоходами и тяжёлыми ставнями, мимо кузницы и местного трактира, и всё это время люди не отрывали от них глаз. При виде потрёпанных одежд, хмурых лиц, а главное – недружелюбных взглядов, Густаву стало не по себе, и он отодвинулся от окна, заключив на будущее, что стоит держать Форне и её солдат поближе.

Экипаж преодолел поворот, и перед Густавом открылся вид на долину. Мерцовюры с серебристыми листьями уносились прочь, пока карета ехала вперёд, и вскоре они добрались до высоких утёсов с аргентитовыми рудниками.

«Единственная хорошая вещь во всём этом беспорядке», — подумал Густав.

Бусночёты из Азирхейма были хитрыми противниками. Но что если небольшой процент выработки этого маленького городка пропадёт без вести, не дойдя до счётных палат Наковаленного Шпиля? Густав был убеждён, что местным деревенщинам не хватит ума, чтобы заметить расхождения. Аргентит — руда драгоценная, и какой-нибудь алхимик или оружейник в одном из городов Зигмара, несомненно, хорошо заплатит за личное приобретение, неотражённое на бумаге.

«Всего пару лет, и карманы мои будут полны», — подумал Густав.

Карета встала на месте, в очередной раз прервав его мечтания. Раздражённо бормоча себе под нос, Густав вытянул голову из окна и увидел, как кучер слезает с облучка.

Они прибыли.

Впереди показался новый дом Густава Тэтчера. За стеною сухой кладки виднелась каменная трёхэтажная глыба – особняк с деревянными подоконниками и балками, шиферной крышей, жалкой пародией на сад, окружающей его со всех сторон, и конюшней, стоящей немного поодаль.

«Ну и притон», — подумал Густав. Он вздохнул и спустился на землю, грязь хлюпнула у него под ногами. Кучер прикрыл его зонтом, и вдвоём, миновав внешние ворота, они зашагали вдоль дорожки к ступеням особняка. Горстка рабочих столпилась под каменным навесом крытой галереи. Густав отметил, что одеты они немногим лучше крестьян.

Молодой человек с копной чёрных волос и серьёзными голубыми глазами выступил вперёд, сжимая свёрнутый и запечатанный свиток.

— Мь'лорд, меня зовут Саул. Я заведу вашим хозяйством, а это, — он показал на остальных, — ваши слуги. Я написал полный отчёт о людях и имуществе, которые прикреплены к особняку. Всё согласно указаниям вашего уважаемого предшественника, да упокоит Зигмар его душу. Мы приветствуем вас в новом доме и надеемся, что путешествие было...

— Путешествие было безобразным, а мне хотелось бы отлить, — прервал его Густав. Молодой человек ошеломлённо моргнул, но быстро пришёл в себя.

— Разумеется. Ваше благородие устали с дороги. Йени, Дафид, берите вещи. Гетин, проводи его светлость в покои. Завечерник уже готовится, мь'лорд, и...

— Пускай всё принесут в мои палаты, свиток тоже, а затем, ради Зигмара, оставьте меня в покое.

Саул поник прямо на глазах у Густава.

«Хоть ты весь алфавит заучи, хоть разодешься как лакей, деревенщиной быть не перестанешь», — подумал Густав, протиснувшись в тёмное нутро Серебряного чертога. Он услышал, как капитан Форне обращается к Саулу. Что-то насчёт лошадей и конюшни. Дела, с которыми Густаву разбираться не по достоинству. Он обвёл глазами шаткую лестницу, выцветшие портреты бывших бургомистров, статуи Зигмара и ковры из звериных шкур. Типичное провинциальное убранство, которое всеми силами старается казаться тем, чем в сущности не является. Густав снова вздохнул и зашагал в личные покои вслед за разнервничавшейся горничной.

«Самый настоящий притон...»

Капли дождя барабанили в окна кабинета. Тиканье затейливых часов перемежалось со скрежетом пера, которым работал бургомистр Юдоли Крушителя, склонившись над бухгалтерскими книгами. Им Густав доверял куда больше, чем людям. Бухгалтерские отчёты были открыты ему и послушны в той степени, которую не могла гарантировать ни одна взятка.

«Мои единственные настоящие друзья...» — подумал он, невольно хмыкнув и расплывшись в горькой улыбке.

Саул, всё это время нависавший над плечом Густава, совсем неверно истолковал звук, вырвавшийся из уст повелителя.

— Мь'лорд, вы хотели...

— Нет, не хотел, — отрезал Густав, — как и всегда.

— Простите, мь'лорд, я подумал...

— Как долго я здесь, Саул?

— Три месяца и шесть дней, мь'лорд.

Густав поморщился. Ему казалось, что времени прошло больше. До сих пор ему удавалось увильнуть от большинства обязанностей, отчего грязный маленький городишко жил собственной жизнью.

— За минувший срок как часто я спрашивал твоё мнение?

Саул ответил не сразу, явно не желая принимать участие в этом унижительном пустословии.

— Ни разу, мь'лорд.

— Вот тебе и урок, Саул, — усмехнулся Густав. — А теперь, раз уж ты отвлек моё внимание, принеси-ка мне графин шальд-вина. С этим-то ты сможешь справиться?

С видом поражённого Саул поклонился и вышел из кабинета.

«Ну и дурак», — Густав ухмыльнулся.

Он вернулся к бухгалтерской книге и пробежал глазами вдоль колонки цифр. На самой последней строке в глаза ему бросилось пятно слегка смазанных чернил. Густав нахмурился, силясь вспомнить, была ли там четвёрка или семёрка. В зависимости от цифры все его подсчёты, произведённые на следующей странице, могли быть неверны. Он зашипел от разочарования, со всплеском опустил перо в чернильницу и потёр уставшие глаза.

Затем поднялся с места и потянулся. Как долго он просидел за столом? Достаточно, чтобы Саул зажёл фонари. С тех пор как Густав прибыл в городок, тьма с каждым днём приходила всё раньше, а сегодня их ждала Золкая Ночь. Местные говорили, что от заката и до рассвета будет темно хоть глаз выколи — так, что ни одной звезды в небесах не увидеть. Никто не знал почему, но таков был местный обычай — запирать ворота на засов, затворять ставни и до самого рассвета поддерживать пламя в фонарях.

«Боятся местных сказок, не иначе, — подумал Густав. — Доверчивые болваны».

Сам он верил только в то, что богатство есть власть, а власть обеспечивает свободу.

Внезапно в голову к нему пришла мысль спуститься вниз и проверить хранилище.

«Моё хранилище», — поправил он себя. Богатства, заключённые внутри, — плоды его гнусных трудов — росли день за днём. С улыбкой на устах он обирал городских торговцев. Металлооценщики из Наковаленного Шпиля собирали причитающиеся налоги, даже не догадываясь о заработках Густава. На бумаге он не сделал ничего плохого. Ничего такого, что заметили бы зоркоокие надзиратели.

С другой стороны, он и раньше был уверен в себе. Размазанная цифра не давала ему покоя. Отчёты стоило перепроверить, правки были необходимы. Густав убедился на собственном опыте, что достаточно закрыть глаза на малейшую ошибку, и подобно незаметной трещине в фундаменте она обречёт всё сооружение на крах.

Беспокойство взяло верх, и Густав вернулся к бухгалтерским книгам. Он выудил перо и с целеустремлённостью воина, обнажающего сталь, приготовился нанести удар по недопустимой ошибке.

«Это мой почерк или нет?»

Подозрение сдавило его грудь, брови поползли вниз. Из-за колеблющегося света фонарей трудно было что-то разобрать, и Густава это страшно злило. Он поднёс страницу к свету и взгляделся в неё. Напряжение сковало самое его нутро.

«Это не мой почерк!»

Кому-то удалось симитировать его манеру письма. Сносно, но недостаточно хорошо. Вероятно, осознав свой промах, этот кто-то смазал цифру, чтобы скрыть ошибку. Мысль гневная, победоносная и пугающая одновременно промелькнула в голове у Густава:

«Некто рассчитывал скрыть свои следы, но этим только привлёк моё внимание!»

Дрожащими руками Густав пролистал книгу до самых последних отчётов. Он планировал проверить их завтра, но теперь они стали местом финансового преступления, а он — следователем по иронии судьбы.

Увиденное только распалило беспокойство Густава. Нахмурившись, он пробежал глазами по колонкам цифр, стараясь привести их в соответствие. Здесь на месте единицы появилась аккуратная семёрка, тут цифру восемь обвели в изящный ноль. Волна ярости поползла вверх по шее Густава, грозя вырваться наружу. Человек, стоявший за корректировками, явно что-то да понимал в своём преступном ремесле, но неужто он действительно верил, что Густав по небрежности ничего не заметит? Он вернулся на несколько страниц назад. Теперь, когда ему стало понятно, на что стоит обратить внимание, в глаза ему бросились и другие несоответствия.

«Ну и ну, тебя уличили в преступлении из-за твоей же собственной оплошности, а затем с позором отослали в этот городишко, — прошептал внутренний мошенник Густава. — Стоит ли удивляться, что негодяи сочли тебя за любителя? За глупца? Да и, судя по всему, до этих самых пор тебе удавалось оправдывать их ожидания».

Факт заключался в том, что целыми неделями кто-то воровал у Густава Тэтчера, отбирая совсем по чуть-чуть: то выпивку и пищу, то аргентит и сок мерцовойра, но самое чудное — стеклянную посуду. Краденого было не так много, чтобы бить тревогу, но вполне достаточно, чтобы Густав преисполнился стыда и испытал угрызение совести за то, что не заметил пропажу раньше.

«Может, если бы они не совершили эту ошибку, явно вызванную спешкой, тогда бы ты никогда не раскрыл их замысел», — подумал Густав.

Да и кто мог сделать такое? У кого был доступ к бухгалтерским книгам в его отсутствие? Капитан Форне? Он сразу же отбросил эту мысль. Кто бы что ни говорил, она верой и правдой служила его семье, и лишние несчастья на долю Тэтчеров ей были явно ни к чему.

«Может, кто-то из прислуги? Кому там хватило бы познаний в письменности?»

Внезапно в голове у Густава всплыло воспоминание об усердном юноше, который протянул ему свиток на пороге особняка.

Я написал полный отчёт о...

Я написал...

Густав углубился в поиски свитка, разворошив стопки бумаг и едва не перевернув фонарь. Первый документ, попавший к нему в руки после прибытия в Юдоль Крушителя, оказался в самом низу.

Да, сомнений у него не осталось — почерк совпадал или, по крайней мере, был очень похож. Гнев начал брать верх над Густавом, часть свитка превратилась в мятый комок прямо в его руке. Внезапно чрезмерная внимательность слуги предстала для него в новом свете.

«Саул...»

По прошествии часа в сопровождении капитана Форне и пяти её солдат Густав Тэтчер вышел в дождливые сумерки, с плеч его свисал промасленный плащ, а на лице застыло свирепое выражение. Они держали путь к небольшому складу на западной окраине городка.

Саул плёлся за ними по пятам. Под угрозой пыток он мгновенно выдал местонахождение воровского притона, однако выглядел так, будто всё ещё верил, что сможет оправдать эту кражу. На его лице было написано искреннее смятение.

— Мь'лорд, такова воля Зигмара, — вкрадчиво произнёс слуга.

— Вам не обязательно быть здесь, лорд Тэтчер, — сказала капитан Форне. — Мы справимся.

— Мь'лорд, прошу вас, — простонал Саул.

Густав был не из тех, кто подвергает себя опасности, но в эту самую ночь гнев взял над ним верх.

— Я законный представитель Зигмара в этом городе и, как бургомистр, должен заниматься подобными вопросами лично.

На первый взгляд звучало очень даже хорошо, но если от других истинный смысл мог ускользнуть, капитан явно уловила то, что скрывалось за этими словами.

«Я желаю собственными глазами видеть, как грабители будут страдать».

— Мь'лорд, вы не понимаете! Я не хотел совершить ничего дурного, никто из нас не хотел!

Густав повернулся к Саулу. В омуте фонарного света, льющего из соседнего окна, вымокший под дождём слуга выглядел напуганным юнцом.

— Одно я знаю точно — за воровство положено наказание, — прошипел Тэтчер. — И если ты не хочешь разделить участь остальных воришек, умолкни и возвращайся в особняк.

Густав непременно накажет Саула. Мало того, что слуга залез в бухгалтерские книги бургомистра, так он ещё и принял того за полного дурака, а заодно — заставил почувствовать себя таковым.

И всё же Саул был компетентен в служении своему господину. Густав понимал, что найти ему замену будет не так-то просто, а потому решил, что возмездие подождёт. Он ещё успеет поиздеваться над несчастным слугой.

К удивлению бургомистра, Саул стоял на своём:

— Мь'лорд, мы не воры. Подношение должно быть сделано.

— Подношение? — огрызнулся Густав.

Форне, шедшая рядом с ним, прочистила горло:

— В небольших городах вроде этого слухи разносятся очень быстро, лорд Тэтчер. Если мы не поторопимся, сообщники этого человека смогут избежать наказания.

Густав отмахнулся от её предупреждения. Вопреки всему, он был заинтригован.

— Что ты подразумеваешь под «подношением», Саул?

— Мь'лорд, такова воля Зигмара с незапамятных времён. Десятую часть всего, что город производит за год, мы грузим в тачки и отвозим к Древу Подношений.

— С какой стати? — Вопрос Густава сочился презрением.

— Чтоб Гробби Черношап держался от нас подальше, мь'лорд, — произнёс Саул. Он взгляделся в растущие тени, страх и надежда боролись у него на лице. — И простите мне мою дерзость, мь'лорд, но времени совсем мало. Ночь приближается. Они бы уже отправились в путь, но... — Слуга замялся.

— Но? Они прячутся в надежде, что ты уболтаешь дурака-иноземца? Или, может, подношение ещё не готово, и они ждут, когда ты обворуешь меня ещё раз? — Слова Густава сорвались на унижительный визг, но ему было всё равно. Пускай внимают его гневу. Пускай бегут и прячутся.

Лицо Саула исказилось от охватившей его паники, однако Густава не покидало стойкое ощущение, что причина его страхов кроется не в крепнущей ярости бургомистра, а во всё ещё не исполненном подношении.

— Мь'лорд, мы должны...

— Должны? — спросил Густав, толкнув Саула в грудь. — Ты должен вернуться домой, иначе капитан Форне пристрелит тебя на месте. Солдаты должны отыскать моё добро и спрятать в моём хранилище. А слуги должны приготовить заветерник к моему возвращению, иначе я прикажу их выпороть!

Саул открыл было рот, но губы его тут же сомкнулись, не выпусив ни звука. На мгновение Густав задумался - не выкинет ли тот какую-нибудь глупость? Но всего через секунду плечи Саула поникли.

— Да, мь'лорд, — сказал он с таким отчаянием в голосе, что Густав пришёл в замешательство. Саул повернулся и зашагал прочь по темнеющим впереди улочкам.

— Лорд Тэтчер?.. — Голос Форне так и сквозил сомнением.

— Нет, капитан. Во что бы там ни верили эти крестьяне, мы не станем забивать подобной чепухой. Поняла?

И снова этот блеск неприязни в глазах Форне. И снова эта волна удовлетворения, охватившая Густава при виде того, как девушка подавляет презрение и подчиняется приказу.

— Как будет угодно, лорд Тэтчер, — только и ответила капитан.

В обеденной зале царил тишина, которую снова и снова нарушало тиканье часов, стоявших на полке. Столовые приборы Густава то позвякивали, то скрежетали о тарелку. Он буквально слышал, как пережёвывает пищу, и оттого чувствовал себя немного неловко. Что не могло не раздражать.

«Ты раздражён, но не встревожен, — повторял он про себя. — А виной тому - абсурдные суеверия

местных. Ну ничего, утром все они заплатят по счетам».

Когда люди Форне выломали дверь на склад, опасения капитана оправдались. Кто-то был здесь и притом совсем недавно: от ещё тёплых фонарей поднимался дым, на каменном подоконнике лежал недоеденный ломоть хлеба, а задняя дверь раскачивалась на петлях – её явно забыли прикрыть из-за спешки. Однако от самих грабителей не осталось ни следа, разве что краденое добро Густава по-прежнему лежало в деревянных тачках.

«Словно бы они собирались отвезти его куда-то, как-то от него избавиться. Совершить это своё подношение».

На обратном пути в Серебряный чертог Тэтчер обратил внимание, как горожане хлопают ставнями и запирают двери на засов, как шепчутся и бранятся от испуга. Они действительно верили, что бургомистр навлёт на них проклятие.

Густав всё ждал, когда же толпа бросит ему вызов, когда накинется на вольных гильдийцев Форне и попытается отобрать злополучные телеги. В глубине души он надеялся, что это произойдёт, лишь бы у его солдат появился повод применить силу.

Густав подцепил ломтик мяса, отправил его в рот, прожевал и заставил себя проглотить. Он демонстративно не замечал стоящего рядом Саула, посеревшего на лицо и дрожащего как осиновый лист.

«Пускай поразмыслит над участью, ему уготованной, — подумалось Тэтчеру. — Мне это только в радость».

Густав конечно же догадывался, какова истинная причина его страхов, но принять абсурдные убеждения этого человека значило рискнуть собственным здравомыслием. Бургомистр мог смело назвать себя детищем логики. Он прекрасно понимал, что во владениях опасно. Однако военный фронт располагался за много миль отсюда, а Густав знал разницу между реальными угрозами и теми, что рисуют нам сказки. В Золкую Ночь, без сомнения, было опаснее, чем обычно, всё-таки кремешная тьма потворствовала преступной деятельности. Но Густав позаботился об этом: капитан Форне и её солдаты несли усиленный дозор, чтобы Гробби Черношап не чувствовал себя в безопасности этой беззвёздной ночью.

Прожевав и проглотив ещё один кусок мяса, Густав почувствовал, как спазм в горле ослабевает. Страх перед неизвестным подчинился силе его логики, и бургомистр невольно покачал головой – то ли в адрес местных ротозеев, то ли в ответ на едва не охватившую его тревогу.

— Саул, где остальные слуги?

— Всё ещё тут, мь'лорд, как вы и приказывали. — Голос Саула звучал болезненно от переполняющего его беспокойства.

— Но на кой оставаться, если здесь так опасно?

— Долг, мь'лорд. К тому же они боятся ваших солдат, — с горечью ответил Саул.

— Я-то думал, они разбегутся кто куда, попрячутся в своих лачугах и будут ждать последствий, — беззаботно продолжил Густав. Вилку он держал словно волшебную палочку, обводя ею тарелки и подносы в немом споре с самим собой — к какому блюду приступить на этот раз.

— Слишком поздно. Уже стемнело. Скоро они придут.

Тревога и раздражение вновь взяли верх над Густавом. Он отложил вилку, — металл брякнул о стол, — и, вопреки своим чувствам, сорвав крышку с очередного блюда, окунул ложку в беловатую массу молочного пудинга, приготовленного по местному рецепту.

«К чёрту и приличия, и суеверия», — подумал он и отправил ложку в рот.

Вкус, кислый и едкий, привёл его в замешательство, горло его сжалось, сквозь зубы брызнула слюна, и Густав с отвращением выплюнул белый комок. Среди остатков пудинга, смешавшегося со слюной, извивалось нечто.

«Оно было у меня во рту!» — Густав не верил своим глазам. Он повернулся было к Саулу, но не успел вымолвить и слова, как снаружи раздался приглушённый звон городского колокола.

Били тревогу.

— Сохрани нас Зигмар, — простонал Саул.

Гнев Густава кормился его собственным страхом, словно огонь, пожирающий хворост. Он вскочил на ноги, опрокинув стул, и от такого грохота Саул подпрыгнул на месте.

— Довольно! — крикнул Густав. — Это тёмная ночь, только и всего! Я разыщу капитана Форне и — какой бы пьяница ни звонил в этот чёртов колокол — прикажу обезглавить его на месте! После я вернусь сюда и разужу, кто пытался отравить мою еду!

Саул уставился прямо на него, и если бы Густав знал, как правильно нанести удар, он бы непременно зарядил тому по лицу.

Но Густав не знал, и перспектива сломать руку его совсем не радовала. Посему, сплюнув, чтобы избавиться от мерзкого привкуса во рту, бургомистр вышел из комнаты, ничего больше не сказав своему слуге.

В прихожей зале он столкнулся с Форне.

— Лорд Тэтчер, мы должны отвезти вас в безопасное место, — сказала она. Густав нахмурился. Похоже, объявившуюся угрозу она восприняла всерьёз, и это сильно его встревожило.

А что если всё-таки есть доля правды в словах местных жителей?

Но Густав мгновенно пресёк эту мысль на корню:

«Рок и молот, хватит с меня! Коли мне уготовано остаться единственным разумным человеком в этом прибежище дураков — значит так тому и быть!»

— Капитан, нет никакой угрозы, кроме одного единственного идиота, который трезвонит в колокол и наводит панику на людей. За мной, мы положим конец его выходкам.

Форне выглядела так, будто готова была возразить. Однако, кивнув, она последовала за бургомистром в ночь. Три вольных гильдийца ожидали снаружи, у каждого было по одному зажжённому факелу. При виде темноты, сгустившейся за окном, Густав невольно отпрянул, кое-как подавив дрожь, охватившую тело. По ту сторону и вправду было очень темно. Очень. Город предстал перед ним лишь чередой угловатых зданий, едва очерченных светом, который просачивался сквозь зарешеченные ставни. Небо

сделалось таким мрачным, что Густав перестал ощущать себя в пространстве. В тот же миг его посетило искушение удалиться в дом и позволить Форне идти одной.

«Нет, — сказал он себе. — Только дашь слабину, и они тут же начнут этим пользоваться. Звери должны знать своё место, только так можно научить их повиновению. В противном случае на возвращение домой ты не накопишь уже никогда».

Внезапно нахлынувшая тоска по хорошо освещённым улочкам Азирхейма причинила ему едва ли не физическую боль. Что и подтолкнуло его к действию.

— Вперёд, — рявкнул он и ступил во тьму, гвардейцы мгновенно окружили его.

«По крайней мере, дождь прекратился», — пронеслась мысль в его голове, пока сам он шлёпал по грязным лужам.

Однако стоило им отойти всего на сотню ярдов от ворот особняка, как, вынырнув из темноты, кто-то прямо на бегу врезался в одного из вольных гильдийцев. Солдат повалился на землю, сцепившись с противником, его факел рухнул в грязное месиво и тут же потух. Раздался звон обнажаемой стали, поднялся всеобщий гомон.

— Убери клинок, это местный! — рявкнула Форне.

Густав видел, как мужчина, перепачканный грязью, с выпученными от ужаса глазами, пытался подняться на ноги.

— Что, во имя Зигмара, ты здесь делаешь? — потребовал Густав. Но деревенщина, казалось, даже не услышал его. Издав отчаянный вопль, он бросился прочь, в темноту, оставив солдат Форне сыпать проклятиями ему вслед.

Тогда-то и налетел страшный ветер, принёсший с собою ледяной холод, вонь плесневелой пищи и смрад загноившихся ран. Вкус порченного молока с такой силой подступил к горлу, что Густав поперхнулся.

С территории особняка слышалось ржание вперемешку с дикими воплями и неразборчивым грохотом.

— Лошади, — рявкнула Форне.

— Что на них нашло? — спросил один из вольных гильдийцев, и в голове у Густава тут же созрел ответ:

«Они пытаются вырваться из своих стойл».

С противоположной стороны донёсся треск поддавшейся древесины, а в следующую секунду вокруг бургомистра уже толпились визжащие свиньи. Они толкались, бездумно продвигаясь вперёд, и одна из них, врезавшись в Густава, повалила того на землю.

В паническом бегстве свиньи скрылись во мраке также быстро, как вынырнули оттуда. Капитан Форне немедленно подняла бургомистра на ноги. Не веря глазам, Густав принялся отряхивать себя от грязи, но едва не задохнулся, хватив холодного воздуха. Его горло прямо-таки горело, глаза зудели и слезились.

— Что?.. — начал было он, но, зайдясь сильным кашлем, так и не договорил. Вольные гильдийцы задыхались у него на глазах. В тусклом свете факелов их лица казались опухшими.

— Что-то в воздухе, — прохрипела Форне, и Густав внезапно тоже это увидел: крошечные соринки на ветру.

«Пыль?»

По коже поползли мурашки, как если бы его окутали паутиной. Воздух вырвался из лёгких с неприятным хрипом, и Густав чихнул.

«Споры!» — осознал вдруг он, подтянув ко рту и носу ворот своей туники.

— Нам нужно... вернуться... — Слова Форне потонули в рвотных позывах. Стараясь не дышать, Густав бросился в сторону особняка, и солдаты последовали за ним. Какая-то отрешённая часть сознания подсказала бургомистру, что колокол стих. На место звона пришли совсем иные звуки.

Вопли страха и боли, охватившие всё поселение. Захлёбывающийся кашель. Хрипы и стоны. Безумный визг перепуганных животных. Наконец, громкий, повторяющийся гул со стороны городских ворот.

«Что-то большое стучится в наши ворота, — подумал Густав, содрогаясь от ужаса. — Что-то пытается проникнуть внутрь».

Один из вольных гильдийцев издал кошмарный хрип и схватился за горло. Густав отпрянул, едва на лице мужчины проступили узелки бледных наростов. Солдат рухнул на колени. Факел выпал у него из рук, и в затухающем свете Густав увидел, как мужчина бьётся в конвульсиях.

«Дождевики, — забормотал голос у него в голове. — Из кожи этого бедняги растут грибы-дождевики... Он дышал теми же спорами, что и я... Кожа чешется, горло горит... Зигмар, прошу, сжался надо мной, убереги меня от подобной участи!»

Особняк приближался, словно островок света среди крошечной темноты. Если, направляясь в ту сторону, Густав даже не обратил внимания на расстояние, то теперь ему казалось, будто счёт идёт на многие километры. Он бежал так быстро, как только мог, и воздух леденел в его лёгких. Откуда-то донёсся крик, высокий и отчаянный. Следом раздался грохот трещащих ставен. Проскочив мимо небольшого переулка, Густав уловил чей-то размытый силуэт, его налитые злобой глаза мерцали красным из-под чёрного капюшона, а ехидные смешки, казалось, преследовали бургомистра через всю улицу.

Ещё одна фигура, размером покрупнее, вынырнула из тени. Это оказалась вольная лошадь с обезумевшими от страха глазами и двумя неведомыми созданиями, вцепившимися в её бока. Густав заметил чёрные робы, мерцание красных глаз, бледно-зелёную кожу и жуткие клыки, а затем лошадь умчалась прочь, разбрызгивая кровь по сторонам.

Густав влетел на территорию особняка, но, едва миновав ворота, поскользнулся на грязной дорожке, закашлялся, вновь почувствовал равновесие и взбежал по каменным ступеням.

Двери были заперты.

Из-за паники его охватил приступ удушья. Одной рукой он царапал полированное дерево, другой, стиснув краешек туники, — прикрывал рот от спор.

Со стороны городских ворот раздался оглушительный треск, затем звериный рёв, столь громкий, что кровь стыла в жилах.

Силы покинули Густава, ноги стали ватными, тело обмякло на двери.

«Так я и умру», — пронеслась мысль в его голове.

Капитан Форне наконец-то нагнала его и принялась колотить в двери поммелем своего меча.

— Открывайте, или, клянусь Зигмаром, я вышибу эту дверь!

Её голос походил на влажный хрип, но эффект всё-таки возымел. Дверь распахнулась, свет фонарей выплеснулся наружу, и Густава охватило облегчение. Он заметил испуганные лица горничных, повара, Саула и, наконец, двух вольных гильдийцев Форне, державших слуг на мушке своих пистолей.

Густав ввалился внутрь, рухнул на ковёр и пополз на четвереньках, а всего через мгновение его начало рвать какой-то пенистой жижей. Его живот, грудь и горло вздымались и пульсировали, выталкивая грязь из тела. Смрадный поток словно бы и не думал останавливаться. В луже рвоты Густав разглядел кровавые разводы и бледные, жёсткие словно резина комочки плоти.

«Я так всё нутро своё выблюю, Зигмар, я не готов... мне ещё столько... прошу...»

Наконец, рвотный позыв сошёл на нет, и Густав, хватая ртом воздух, сплюнул остатки слизи. Его мысли обрели некоторую складность. Он вытер слезящиеся глаза и тут же отпрянул от вонючей желчи, разбрызганной по ковру.

Только сейчас он заметил, что дверь была по-прежнему открыта, и паника охватила его новым приступом.

«Эти дураки хоть что-то предприняли, пока меня рвало на ковёр?»

Он увидел, как вольные гильдийцы, оставшиеся в прихожей зале, привалились к опрокинутой мебели, их кожа покрылась жирными дождевиками, а на груди переливались пятна кровавой рвоты. Повар и третий солдат, которого сперва он даже не заметил, лежали лицами кверху, из их тел, как какие-нибудь уродливые флагштоки, торчали короткие чёрные стрелы.

Ещё один гвардеец стоял на коленях прямо на входе в особняк: похоже, он хотел закрыть за собой дверь, но оказался медленнее существ в рваных чёрных балахонах. Недоростки набросились на него и с диким хохотом принялись кромсать своими ножами.

Форне оказалась совсем рядом: как и Густав, она стояла четвереньках, вся забрызганная рвотой и окончательно сбита с толку.

Служанки подняли крик и убежали вглубь особняка.

— Что за... — Густав пополз в сторону обеденной залы, но тут же закашлялся. — Что...

Кто-то подхватил его. В глазах рябило, но он всё же смог разглядеть угрюмое лицо Саула.

— Мы ничего не крали. Мы лишь пытались защитить город! Если я вытащу вас отсюда, то так вы им и скажете. И никакого наказания для тех, кто переживёт эту ночь!

Больше походило на угрозу нежели на вопрос, но Густав всё равно кивнул. В тот миг он согласился бы на что угодно, лишь бы сбежать отсюда подальше. Был ли у паренька конь, готовый отправляться? Или, может, он знал, где тут потайной выход?

— Клянётесь?

— Клянусь, — выпалил Густав. Неужели этот идиот не понимал, в какой они опасности?

По-видимому удовлетворённый таким ответом, Саул подхватил бургомистра, закинул одну его руку себе на плечи и зашагал в обеденную залу. Позади них раздался хриплый вопль Форне:

— Именем Зигмара, убирайся в преисподнюю, которая исторгла тебя, мерзость!

Раздался грохот пистоля, следом — чей-то визг. А ещё через секунду комнату охватил страшный рёв. Крик Густава присоединился к общему шуму, настолько он был напуган.

— О, Зигмар... о, Зигмар... — повторял он снова и снова, пока Саул тащил его мимо обеденного стола. От еды разило тухлятиной, да с такой силой, что к горлу его снова подступила тошнота. В тарелках извивались бледные черви, а по скатерти ползали многолапые твари с дрожащими усиками.

— Хранилище, — крикнул Саул, безжалостно продвигаясь вперёд. — Укроемся в хранилище, мь'лорд. Туда они попасть не смогут.

Но Густав не был так уверен. Разве Саул не слышал грохот и рёв?

Однако сковавший его ужас гнал бургомистра вперёд.

Едва они выбрались в дальний коридор, Густава посетила не менее ужасная мысль: размеры хранилища были крайне ограничены. Это бросилось ему в глаза (и по-настоящему раздосадовало) ещё в первую инспекцию, до всего этого кошмара. Он, конечно, не был членом гильдии Железнокovaných, но в естественных науках кое-что смыслил.

«Насколько хорошо оно запечатано? И что, если у нас кончится воздух?»

Наконец, они замерли перед дверью, ведущей в хранилище. Это был портал в безопасное место — сплошной аргентий в фут толщиной с хитроумным шестерённым замком, и только бургомистр знал его комбинацию.

— Мь'лорд? — поторопил его Саул, бросив взгляд в конец коридора.

Густав приложил пальцы к механизму. Едва различая цифры своими мутными глазами, он крутанул первый барабан.

«Один поворот... второй... затем обратно... есть!»

Механизм лязгнул. Один готов, осталось два. Позади раздался грохот и рёв, от которого у Густава скрутило живот. Кто-то опрокинул обеденный стол.

— Мь'лорд, поторопитесь! — выпалил Саул.

Густав покрутил вторую ручку, затем третью, и жужжание затворного механизма возвестило о долгожданном триумфе. Он быстро провернул все барабаны, чтобы перепутать комбинацию, и приоткрыл металлическую дверь ровно настолько, чтобы можно было проскользнуть внутрь. Саул бросил ещё один испуганный взгляд в конец коридора, Густав же, не теряя ни минуты, протиснулся в хранилище. Он знал, что должен помочь молодому слуге, который, по правде-то говоря, спас ему жизнь: Саул хоть и был не без греха, но едва ли заслужил ту кошмарную смерть, которую готовила ему судьба, не так ли?

Густав стоял в темноте, и перед глазами у него расплывались образы цифр, смазанных в его бухгалтерской книге. Саул держал его за дурака. К тому же, если слуга с головой погрузился в его

отчёты, он, должно быть, знал и о тратах самого Тэтчера. Он был единственным свидетелем новых преступлений, которые повлекут за собой что угодно, но только не второе помилование.

Решено.

Забыв о жалости, Густав Тэтчер толкнул дверь хранилища. Последнее, что он увидел за мгновение до того, как та захлопнулась, было потрясённое выражение на лице Саула.

«Двум людям нужно в два раза больше воздуха, — подумал он. — Да и не торгуюсь я с деревенщинами».

Густав попятился от двери и в кромешной темноте наткнулся на что-то твёрдое. «Тачка, — догадался он, — и готовое подношение». Он коснулся аргентитовых самородков и вдруг почувствовал, как с холодом металла приходит успокоение. Он судорожно вздохнул. Вокруг не было ни единого источника света, но, чтобы открыть хранилище изнутри, код не требовался. От свободы его отделял всего один поворот ручки, а уж её отыскать смог бы даже слепой.

«Но сперва пускай всё уляжется, — решил Густав. — Буяньте чудища поганые, убивайте сколько влезет, мне до вас дела нету».

Согласно местным суевериям, с первыми лучами Хиша загадочные существа должны были убраться восвояси. До сих пор сказки не врали — оставалось надеяться, что и здесь они не подведут.

Искра мужества вновь вспыхнула в груди Густава.

«Рано утром... выберусь отсюда... заберу всё ценное, оседлаю коня — если хоть один уцелеет... А если нет, о, Зигмар, возьму одну из этих тачек. И пистоль, один мне точно пригодится. Дальше что... в Наковаленный Шпиль? Обратно ко вратам владения? Что, если...»

Снаружи раздался рёв, и планы Густава вмиг обернулись прахом. Даже приглушённым звук этот внушал невыразимый ужас. Кто-то ударил в дверь хранилища. Грохот уподобился звону поминального колокола.

Густав отшатнулся.

Снова рёв. Снова удар.

Дверь выдержала.

Одно мгновение сменялось другим.

«Что, силёнок не хватает? Удачи с этим, всё равно через аргентий не пробьётесь! — Собравшись с духом, Густав подкрался к двери — только так можно было понять, когда твари уберутся восвояси, — прижал ухо к металлу и уловил приглушённый голос. Он нахмурился. Голос принадлежал Саулу. Его слов он разобрать не смог, но слуга явно молил о пощаде, его тон был полон неподдельного ужаса. — Ну и дурак же ты, деревенщина. — Чувство вины комом подкатило к горлу Густава. — Неужели не хочешь, чтобы муки твои поскорее закончились?»

Но слуга всё говорил и говорил, отчего Густаву стало не по себе.

«Почему твари до сих пор не прикончили его?»

Он больше не хотел ничего слушать, но и оторваться от двери будто не мог. Вскоре он услышал ещё один голос — гортанный, пронзительный, вселяющий неясную тревогу.

Был ли это... ответ?

Он не знал.

Саул заговорил вновь. Следом воцарилась тишина, и лишь дыхание Густава нарушало её да глухой стук его сердца.

«Что происходит?»

Внезапный скрежет у самого его уха вынудил Густава отпрянуть.

Одна из поворотных ручек. Кто-то крутил её.

«Как они додумались до этого? Нет, неважно, комбинацию им всё равно не угадать! Ни за что!»

Щёлк.

Первый барабан встал на положенное место. Густав заскулил и попятился, споткнулся, упал, приложившись головой о тачку для подношения, его сердце пустилось «вскачь». Он собственноручно запер себя в ловушке, и каким-то образом — каким-то образом! — существа прознали комбинацию.

Разве что...

Им овладела холодная уверенность.

Саул жил в Серебряном чертоге задолго до прибытия Густава Тэтчера. Он успел послужить прошлому бургомистру, который и мог посвятить его в тонкости работы механизма, защищающего хранилище. И ведь не кто иной как Саул копался в бухгалтерских книгах, одни цифры — меняя, другие — запоминая...

«На кой чёрт я записал эту комбинацию?» — немой вопрос повис в воздухе, хотя, в сущности, Густав знал на него ответ. Бухгалтерские отчёты он вёл со всей скрупулёзностью, как и подобает человеку его положения. Он просто-напросто не мог позволить себе забыть код от личного хранилища.

Важнее, однако, то, что Густав был невысокого мнения о сельской прислуге. Он и подумать не мог, что кто-то из них сможет разгадать простую тайнопись, при помощи которой были зашифрованы некоторые числа.

Он попытался было выпрямиться, но боль пронзила его шею. Услышав жужжание дверного механизма, он пришёл в такой ужас, что невольно захрипел. Медленно, очень медленно, с отвратительным скрипом дверь хранилища отворилась. Через проём хлынул ядовито-зелёный свет. Он слепил глаза, но даже сквозь мутную пелену Густав видел, как низкорослые силуэты в чёрных капюшонах подползают всё ближе и ближе. Большая, глыбистая рука, поросшая грибами и каменными отложениями, протянулась над юркими созданиями, и Густав заверещал от боли: толстые пальцы обхватили его и вытащили из хранилища, поломанного и обмякшего.

Он поднял глаза на придавленного к стене Саула, но лица его не узнал.

В ответ, пока жизнь покидала тело Густава Тэтчера, глядела лишь непроницаемая маска...

— Вот что случится, если подношение не будет сделано вовремя, — закончил старейшина. Над холмом поднялся ропот, перемежаемый вздохами и неуверенной руганью. Дерево Подношений, нависавшее над

жителями деревни, казалось ещё более чудовищным, чем когда-либо прежде.

Нэрри был страшно напуган, но всё же выдавил из себя вопрос:

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я старейшина в Юдоли Крушителя с тех самых пор, как мы отказались от бургомистров. Знать всё это — моя работа, — ответил старейшина. — Уже темнеет, а значит нам пора уходить. Ты ведь не станешь доставлять проблемы?

Нэрри яростно замотал головой. Быть может, он не получил все желанные ответы, но история явно сделала своё дело.

Бросив тачки у Древа Подношений и желая поскорее оставить поляну, люди старейшины принялись спускаться вниз по склону. Впереди раскинулась Юдоль Крушителя, её мерцающие огни зазывали горожан домой.

Лишь старейшина уходить не спешил. Он взгляделся во мрак, сгустившийся под лесным пологом, и ему почудилось, что меж деревьями мелькают тёмные силуэты с блестящими кроваво-красными глазами. Правда заключалась в том, что старейшина немного приукрасил свой рассказ, заполнив все те пробелы, которые касались мыслей Густава Тэтчера. С той Золкой Ночи минуло уж много лет, а время, как известно, — всё равно, что мутное окно. Неправо ли он поступил с бургомистром? Может быть. Но Тэтчер не стал его слушать. Он отказался сделать подношение, и Гробби Черношап явился по его душу, разрушив при этом добрую половину всей Юдоли Крушителя.

«Да и потом, ублюдок спрятался в своём хранилище, а меня оставил умирать...»

— Ах да, — старейшина отвлекся от раздумий и повернулся спиной к существам, которые уже ползли сквозь сумрачные тени, — подношение должно быть исполнено.

И с этими словами он зашагал вниз по склону — туда, где было безопасно и светло.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Подношение_/_The_Offering_\(рассказ\)__\(Age_of_Sigmar\)&oldid=27229](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Подношение_/_The_Offering_(рассказ)__(Age_of_Sigmar)&oldid=27229)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 января 2025 в 15:32.